

ПОЭТИЧЕСКИЙ МУЛЬТИЛИНГВИЗМ НА КАРТЕ ЕВРОПЫ: ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФЕРЫ¹

В. В. Фещенко²

Представлены предварительные результаты проекта, посвященного многоязычию в мировой поэзии. Межязыковые взаимодействия особенно устойчивы в тех контекстах, где писатели (поэты) либо существуют в многоязычных социокультурных средах, либо перемещаются от одной страны к другой на протяжении всей своей литературной карьеры. Многоязычные поэты служат образцовыми агентами культурного трансфера, существуя в двух или более культурных и / или языковых пространствах одновременно и, таким образом, делая культурные переносы через границы разных языков более легкими, эффективными и сознательными. Анализируются разные случаи поэтического двуязычия, когда поэты, которые могут свободно говорить и писать на двух или более языках, намеренно создают либо варианты одного и того же текста на двух языках, либо разные стихи на двух отдельных языках. Выделяются географические зоны, где многоязычное поэтическое творчество наиболее активно (как в историческом разрезе, так и в современном состоянии). Объем картирования ограничен европейскими странами и областями с двуязычным или многоязычным населением. Также рассматриваются теоретические и практические проблемы в картировании поэтического многоязычия в Европе.

Ключевые слова: мультилингвизм, билингвизм, поэзия, Европа, культурный трансфер, языковые контакты.

Общие вопросы поэтического мультилингвизма и культурного трансфера

Поэтический мультилингвизм как разновидность многоязычия в целом представляет собой благодатный материал для изучения культурных трансферов с позиции как лингвистики, так и культурологии. Под культурным трансфером понимается процесс переноса знаний между разными культурами, профессиональными сообществами и дискурсами. Акцент в теории культурного трансфера делается не просто на одновременном изучении нескольких социокультурных пространств, но на анализе вкраплений, интерференций, гибридизаций, трансформаций, которые при соприкосновении проявляются равно в воздействующей и в принимающей культурах. В отличие от

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

² Институт языкознания РАН
125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1.
doi: 10.5922/2225-5346-2017-4-2

Поступила в редакцию 18.09.2017 г.

© Фещенко В. В., 2017

межкультурной коммуникации в общем виде, направленной на облегчение общения между представителями разных культур и сравнительное изучение двух отдельных национальных традиций, методология культурного трансфера предполагает исследование механизмов «культурного перемещения» смыслов — тех концептуальных трансформаций, которые возникают при их «импортировании» и «экспортировании» из одной культуры в другую. При таком подходе значимыми являются не столько национально-специфические особенности той или иной культуры или того или иного дискурса, сколько выявляемые траектории «миграции концептов» при взаимодействии двух или более языков. Тем самым демонстрируется, в какой мере лингвоспецифическое или идионациональное явление оказывается в действительности сплавом разных культур, взаимовлияний и дискурсных смещений.

Теория культурных трансферов первоначально была разработана в 1980-е гг. в довольно узком контексте истории литературы французскими литературоведами и историками М. Эспанем и М. Вернером. В последнее время эта теория находит применение в широкой сфере исследований культуры. Так, в недавних работах М. Эспаня теория культурного трансфера применена к истории искусства [18] и к области межкультурных взаимодействий [19]. Понятие культурного трансфера отсылает, таким образом, и к эмпирическому плану исследований, и к методологической ориентации самого исследователя, затрагивая широкий спектр гуманитарных и общественных наук. Анализ культурных трансферов предполагает изучение взаимодействий между культурами и сообществами (а также между различными фракциями и группами внутри одной или нескольких культур) в их динамическом развитии (подробнее см. в нашей общей с С. Ю. Бочавер статье в данном выпуске журнала; см. также недавние сборники [13; 17; 21; 26]).

Одно из продуктивнейших направлений в лингвистических исследованиях культурного трансфера — мировые поэтические практики в двуязычной или многоязычной среде (см.: [16; 20; 23]). Поэты и писатели-мультилингвы выступают в роли показательных агентов переноса знаний, существуя одновременно в двух и более лингвокультурных пространствах и с большей легкостью, эффективностью и сознательностью осуществляя культурный трансфер сквозь границы различных языков. В данной статье мы представим обзор-картирование поэтического мультилингвизма в европейском ареале. Мы берем для рассмотрения на данном этапе именно поэтические практики, поскольку поэтический язык, в отличие от языка прозы, представляет собой особую подсистему языка. Являясь своего рода «языком в языке», стихотворная система создает потенциальные связи, не существующие в обыденном языке, и, таким образом, самим своим устройством трансферирует новое знание в культуру. Когда же поэт работает в полилингвистичной среде, особенно если он использует в своей практике два языка и более, перенос знаний становится наглядным и более осязаемым. В таких случаях взаимодействуют не только два языка, но и две поэтические системы, подчас образуя в своем слиянии гибридизированные формы и элементы (см. на эту тему интересное эссе словенского поэта Б. Новака [24]).

Изучение поэтического мультилингвизма предполагает использование по меньшей мере трех дисциплинарных подходов: 1) историко-литературного; 2) социолингвистического; 3) лингвопоэтического. В первую очередь поэтический мультилингвизм, конечно же, — предмет литературоведческого исследования, ведь он обладает особыми эстетическими параметрами, характерными для всей лирической поэзии. Но поскольку он связан с использованием двух и более языков, помимо эстетических черт он имеет еще и социальные смыслы. Поэт-мультилингв постоянно делает выбор между языками и адресуется по меньшей мере двум аудиториям и сообществам, располагаясь на приграничной зоне языковых контактов. И наконец, мультилингвальная поэзия имеет дело с особыми лингвистическими трансферами. Многоязычный автор использует возможности множества языков, зачастую подстегивая лингвистическую креативность одного языка через другой. Здесь мы сосредоточимся лишь на историко-литературном аспекте поэтического мультилингвизма в Европе от Средних веков до наших дней. При таком крупном временном промежутке наши сведения, разумеется, не являются полными и исчерпывающими. Мы постарались отобрать наиболее интересные случаи межъязыковых взаимодействий в поэтическом творчестве европейских авторов.

Начнем с более четкого определения термина «поэтический мультилингвизм» и его объема применительно к нашему материалу. Мультилингвизм в поэзии может пониматься как минимум в двух смыслах. Во-первых, в ситуации, когда автор существует в многоязычной среде и может свободно говорить на нескольких языках, но выбирает какой-то один для своего поэтического творчества (например, в случае Дж. Джойса или О. Мандельштама). Такие авторы являются мультилингвами, но не поэтическими мультилингвами в нашем смысле. Иной случай представляют собой авторы, создающие тексты на двух и более языках, как оригинальные, так и в автопереводе, или же так называемые макаронические тексты, написанные с использованием множества языков. Именно к таким случаям П. Зюмтор предложил применять термин «поэтический билингвизм» (*bilinguisme poétique*) [27], который мы в данной статье расширяем до «мультилингвизма». Здесь мы наблюдаем двух- и более сторонний трансфер внутри поэтики одного автора в транслингвальном пространстве (о разных пониманиях «поэтического билингвизма» см. в статье: [1]).

Многоязычная поэзия Европы от Средних веков до романтизма

Поэзия с древних времен была носителем лингвистических и культурных трансферов, а перевод стал самым ранним способом передачи литературных текстов из одной культуры в другую. Переводчики либо учили иностранные языки и путешествовали по миру в поисках текстов для переводов, либо являлись членами многоязычных сообществ внутри одной страны или региона. Самый древний и примечательный образец последнего случая — Септуагинта, перевод Ветхого Завета с древнееврейского на древнегреческий, выполненный сообществом переводчиков-билингвов, владевших в равной мере

греческим и ивритом и проживавших в Александрии в III в. до н.э. (см.: [5]). С древнехристианских времен и на протяжении всего первого тысячелетия появлялись тексты, в том числе стихотворные, написанные билингвами на греческом и латыни. Однако, что касается лирической поэзии, о первых образцах поэтического мультилингвизма приходится говорить лишь начиная с классического Средневековья, и это обстоятельство не случайно. Именно в этот период разговорная латынь начинает увядать, уступая место множеству романских вернакуляров, особенно в регионах, окружавших средневековую Италию. Как отмечает П. Зюмтор, романский мир VIII—XI вв. был колыбелью поэтического мультилингвизма в Европе [27]. Первые анонимные опыты лирического мультилингвального стиха датируются временем латинско-романских языковых контактов.

Средневековая Испания была плавильным котлом языков поэтического творчества. Этническая, религиозная, лингвистическая и культурная ситуация на Пиренейском полуострове была очень сложной, эта сложность, по всей видимости, и породила мультилингвизм в поэзии (см.: [6; 14]).

Карта средневековой Испании

На юге Испании процветала арабская культура, обусловившая расцвет гибридной многоязычной литературы. Наиболее известным поэтом мусульманской Испании был Ибн Кузман, живший в XII в. и ставший одним из самых ранних предтеч поэзии трубадуров. В своей устной поэзии он сочетал арабоязычные формы заджая с элементами романских языков. Еще одним поэтом такого рода был Ибн Хафаджа, родившийся в Аль-Андалусе (мусульманской Испании) и затем переехавший в Марокко, чтобы заняться поэзией. Подобные смешанные формы практиковались и на Ближнем Востоке авторами – выходцами из Испании (см. [7]).

Около века спустя на севере Испании поэты стали прибегать либо к двуязычному стиху, либо к какому-то одному выбранному языку поэзии. Король Альфонсо Кастильский предпочитал писать лирические стихи на галисийско-португальском, а не на родном для него кастильском диалекте испанского. То же самое можно сказать о знаменитом короле Альфонсо Мудром. Один из первых трубадуров, каталонский поэт Р. Видадь де Бесалу (XIII в.), писал, что некоторые поэтические жанры, такие как романс, соответствуют французскому стиху, тогда как другие жанры, вроде кансо и верс, больше тяготеют к провансальскому языку. Интересный образец мультилингвальной поэзии трубадуров – творчество Б. Кальво, уроженца Лигурии. Кастильский был для него языком повседневного общения, но для поэтических опытов он выбрал галисийско-португальский и окситанский. Другой пример многоязычной поэзии трубадуров – выходец из Прованса Р. де Вакейрас. Его поэзия написана частично на провансальском, частично на итальянском. В одном из дошедших до нас стихотворений он использует пять романских языков своего времени: провансальский, итальянский, французский, гасконский и галисийский. Каждая строфа написана на отдельном языке, а последняя представляет собой смесь всех языков:

Eras quan vey verdeyar
 Pratz e vergiers e boscatges,
 Vuelh un descort comensar
 D'amor, per qu'ieu vauc aratges;
 Q'una dona.m sol amar,
 Mas camjatz l'es sos coratges,
 Per qu'ieu fauc dezacordar
 Los motz e.ls sos e.ls lenguatges.

Io son quel que ben non aio
 Ni jamai non l'averò,
 Ni per april ni per maio,
 Si per ma donna non l'o;
 Certo que en so lengaio
 Sa gran beutà dir non sò,
 çhu fresca qe flor de glaio,
 Per qe no m'en partirò.

Belle douce dame chiere,
A vos mi doin e m'otroi;
Je n'avrai mes joi' entiere
Si je n'ai vos e vos moi.
Mot estes male guerriere
Si je muer per bone foi;
Mes ja per nulle maniere
No.m partrai de vostre loi.

Dauna, io mi rent a bos,
Coar sotz la mes bon' e bera
Q'anc fos, e gaillard' e pros,
Ab que no.m hossetz tan hera.
Mout abetz beras haisos
E color hresc' e noera.
Boste son, e si.bs agos
No.m destrengora hiera.

Mas tan temo vostro preito,
Todo.n son escarmentado.
Por vos ei pen' e maltreito
E meo corpo lazerado:
La noit, can jatz en meu leito,
So mochas vetz resperado;
E car nonca m'aprofeito
Falid' ei en mon cuidado.

Belhs Cavaliers, tant es car
Lo vostr' onratz senhoratges
Que cada jorno m'esglaio.
Oi me lasso que farò
Si sele que j'ai plus chiere
Me tue, ne sai por quoi?
Ma dauna, he que dey bos
Ni peu cap santa Quitera,
Mon corasso m'avetz treito
E mot gen favlan furtado [8].

Трубадуры в Северной Италии (XIII – XV вв.) сочиняли лирические стихи на провансальском, а нарративную поэзию — на французском, хотя родным для них был итальянский. Италия XV в. породила специфический жанр многоязычного стиха, который получил название макаронического. Само понятие возникло в Падуе и впервые было использовано в названии книги итальянского поэта Тифи дельи Одази. Книга шуточных стихов называлась *Masagonea* и содержала смешанные тексты на латыни и различных итальянских диалектах. Другими виртуозами макаронической поэзии были Коррадо Падуанский и Т. Фоленго: оба смешивали латынь с итальянским. Макароническая поэзия чаще всего выполняла сатирическую функцию, высмеивая конфликты между ученой латынью и вульгарными разговорными диалектами.

Во Франции позднего Средневековья и раннего Возрождения мы встречаем три ярких примера поэтического билингвизма, отличающихся как от стиха трубадуров, так и от макаронического стиха. Первые два примера — творчество Р. Белло и Ж. дю Белле, поэтов XVI в. из круга Плеяды. Оба писали стихи по-латыни и по-французски. Хотя Белле защищал новый чистый французский язык и противостоял латинскому как архаичной идиоме, он написал два тома поэзии на латыни и множество стихов на французском, словно демонстрируя переход от старой поэтики к новой.

Столетием ранее другой выдающийся французский поэт, Карл Орлеанский, пережил необычный, но плодотворный опыт билингвизма. Карла стоит признать первым автором, писавшим лирическую поэзию одновременно на двух народных языках — французском и английском. Его билингвизм обусловлен биографией: он был взят в заложники англичанами после поражения французов в битве при Азенкуре. Находясь в английском плену в течение 25 лет, с 1415 до 1440 г., Карл провел большую часть своей взрослой жизни вдали от родной страны и французского языка. Ему оставалось лишь вести переписку с друзьями и родственниками, часть которой была в стихотворной форме. Двуязычное поэтическое творчество Карла являлось посредником контакта двух культур — английской и французской. В частности, французские версии стихов несут на себе сильный отпечаток чосеровской традиции, а в английских жанр романса обогащается чертами куртуазной поэзии Франции. В результате мы имеем первый в истории и ярчайший образец автоперевода как межъязыкового культурного трансфера на рубеже Средневековья и Возрождения (см. подробнее об этом в статье: [11]). Еще один пример того же ряда из английской традиции — многоязычная поэзия Дж. Мильтона, прекрасно владевшего несколькими языками и сочинявшего сонеты на английском, латинском, итальянском и греческом.

По другую сторону Ла-Манша, в голландской литературе, в XVI—XVII вв. встречаются интересные примеры поэтического мультилингвизма. С целью поэтического развития нидерландского языка Я. ван дер Ноот опубликовал двуязычные издания самопереведенных стихов по-голландски и по-французски. Жил он в Антверпене, одном из самых многоязычных городов голландского Ренессанса, на перекрестке франко- и нидерландоговорящего сообществ. Среди других представителей мультилингвальной поэзии того времени и региона можно назвать К. Хёйгенса (французский, латынь, голландский), О. ван Веена (голландский, французский, итальянский, немецкий), Я. Катса. Последний создавал книги эмблем с экфрастическими стихами на трех языках: латыни, французском и голландском. Двигаясь на восток, следует упомянуть поэтов-билингвов Германии. Некоторые барочные поэты, такие как Ю.В. Цинкгреф, писали сонеты и эпиграммы по-немецки и по-латыни. Г.Р. Веккерлин (XVII в.) создавал куртуазную поэзию на нескольких языках (немецкий, французский, английский, латынь). Стоит также назвать З. Лунда (датского поэта, писавшего по-немецки и по-латыни), Ф. фон Цезена

(голландский, немецкий, французский), а также Ф.К. Утенхове, создавшего книгу стихов на 12 языках, причем тексты представляли собой иноязычные переработки оригинального текста, написанного на иврите.

Эпоха Просвещения и немецкий романтизм и распространяли свое влияние на соседние страны в том числе посредством поэтов-билингвов. Возможно, самый характерный пример такого трансфера — деятельность и творчество национального словенского поэта Ф. Прешерна. Он родился в этнически смешанной исторической области Крайна, управлявшейся в те времена Австрийской империей, где официальным языком был немецкий. Немецкий выступал также языком образования и высокой культуры на многих территориях, населенных словенцами. Поэтому Прешерн писал свои первые стихи по-немецки и лишь позже перешел к поэзии на словенском — языке, на котором к тому моменту не существовало серьезной поэтической традиции. Он также занимался поэтическими переводами в обоих направлениях, включая автопереводы. Таким образом, билингвизм позволил Прешерну дифференцировать словенскую поэзию от немецкой традиции и создать из нее новую национально-специфическую форму. Среди подобных случаев в других восточноевропейских ареалах можно упомянуть хорватского поэта Просвещения С. Врза (хорватский, словенский) и Т. Шевченко, ведущего поэта украинского культурного ренессанса XIX в. Несколько иначе ситуация обстояла в России, где французский был языком аристократии, а немецкий — науки и философии. В. Жуковский писал некоторые свои стихи по-немецки, а А. Пушкин и Е. Баратынский — по-французски (см. о многоязычии русских поэтов классической эпохи в сборнике: [2]). Зачастую такие опыты имели целью добиться расположения мэтров иноязычной литературы, например И.В. Гёте или Вольтера. В то же время в романтизме с его культом нации и родного языка распространилась тенденция писать только на своем национальном языке. Языки считались взаимно непереводаемыми, поэтому созданное на ином языке произведение мотивировалось исключительно взглядом на независимость отдельных национальных языков. Ситуация начинает меняться только в начале XX в.

Поэтический мультилингвизм в европейской поэзии от модернизма до наших дней

Примечательно, что О. Уайльд написал в 1891 г. свою «Саломею» не по-английски, а по-французски, что вызвало культурный шок у его современников и соотечественников. Еще со времен раннего романтизма лояльность к родному языку считалась высшей ценностью. И только в модернистской поэзии мультилингвизм завоевывает поэтическую силу на новом уровне. Отныне сочинение поэзии на двух и более языках преследует цель эксперимента с поэтическим языком. Эпоха модерна начала признавать перекодируемость языков друг в друга, и, сверх того, многоязычие мало-помалу становилось нормой поэтического творчества.

Этот перелом в теории перевода был схвачен В. Беньямином в знаменитой статье «Задача переводчика» (1925). Немецкий мыслитель отметил такую особенность современных языков, как их «глубинное взаимоотношение» и «особого рода сходимость». Языки, пишет он, «не чужды друг другу; они априори, вне зависимости от исторического контекста сродственны в том, что хотят выразить» [3, с. 93]. Родство языков в полной мере проявляется именно в переводе, но это происходит иначе, чем посредством сходства оригинала и адаптации. В основе каждого из языков лежит одно и то же означаемое, которое недоступно ни одному из них по отдельности, но может быть «реализовано лишь всей совокупностью их взаимно дополняющих интенций» [3, с. 96]. Согласно беньяминовской оптике, перевод имеет функцию не повторения на другом языке, а восполнения другого языка. А то означаемое, которое роднит все языки, он называет «чистым языком»: «...вновь обрести чистый язык, сформированный в языковом потоке, — такова насильственная и единственная способность перевода» [3, с. 107].

Отмеченная Беньямином особенность является, в сущности, той же утопией универсального и чистого языка, которой руководствовались многие писатели авангарда и модернизма. Поиски такого универсального языка начались как раз в стране, где жил Беньямин. Поэтом-полиглотом был С. Георге. Как отмечает Л. Форстер, Георге ставил целью омоложение немецкой поэзии с помощью широчайших мультикультурных горизонтов [20]. В той же мере, в какой он экспериментировал с новыми поэтическими формами, экспериментировал он и с иностранными языками. Георге писал стихи не только на родном немецком, но и на французском и английском, иногда создавая версии-двойники. Более того, мультилингвизм его проявлялся еще и в языковом изобретательстве: известны стихи на вымышленном им языке *lingua romana*, основанном, как и эсперанто, главным образом на романском языковом субстрате. Как сообщает его биограф, «множество лингвистических экспериментов... проведенных поэтом еще в юности, предшествовали созданию тайного, наполненного сложнейшей системой символов, языка, совершенно непонятного для непосвященных. Георге создавал свой язык, по крупицам собирая его из элементов языков романской группы, в особенности итальянского и испанского. Он создает свои "Узоры в сером" и "Легенды" на этом языке, который сам окрестил "лингва романа"» (цит. по: [22, р. 145]). Ю. Джолас, уделяющий в своем трактате «Язык ночи» внимание Георге, приводит пример неопубликованного его стихотворения, которое, в свою очередь, является, так сказать, позднейшим «автопереводом» на «лингва романа» его же (Георге) раннего немецкого стихотворения «Gelbe Rose» из цикла «Zeichnungen in Grau» (1889):

ROSA GELBA

En la atmosfera calida tremulante de odores
En la luz argentea de un diffallaz
Ella respira circunfundida de un gelbo fulgor
Envelata toto en una seta galba
Multo vagamente conaria extranea
No lassando deomar distinctas formas

Que si sua buca se contracta en moriento scibudor
E suas spatulas o suo seno en un leve altiar
Dea misteriosa de Brahraputra e Gange
Pareceste creato de cera inanumota
Sin tuos oelos dusamente ad umbratos
Quando lassos del reposo subito se levaron (цит. по: [22, p. 145–146]).

Другой деятель искусств, также не одно десятилетие живший и работавший в Германии, художник В. Кандинский, практиковал поэзию на двух языках – приобретенном немецком и родном русском. Он переводил многие свои тексты с немецкого на русский и наоборот. В экспериментальных стихах Кандинского открывается выход в то общее двуязычное пространство, которое Л. Щерба назвал «единым языком с двумя формами». В наиболее выраженных случаях такого смешанного билингвизма, «когда люди в общем свободно говорят на обоих языках, у них создается своеобразная форма языка, при которой каждая идея имеет два способа выражения, так что получается в сущности единый язык, но с двумя формами. Люди при этом не испытывают никаких затруднений при переходе от одного языка к другому: обе системы соотнесены у них друг ко другу до последних мелочей. При этом обыкновенно происходит иногда взаимное, иногда одностороннее приспособление двух языков друг к другу» [15, с. 313]. В случае же поэтического двуязычия это взаимопроникновение тем более образует синтетическую билингвальную форму языка.

Под влиянием и Георге, и Кандинского создавал свои полилингвальные стихи немецко-французский дадаист, уроженец Эльзаса Х. Арп. Другой эльзасец, Ю. Джолас, экспериментировал сразу с тремя языками, каждый из которых считал родным: французским, английским и немецким. В 1930-е гг. он публикует серию статей о «евроамериканском», или «трансатлантическом», языке будущего как средстве творческого поиска и общения. Лингвистическая реформа уже происходит в американском обществе, пишет Джолас в конце 1930-х, ссылаясь на книгу журналиста Г. Менкена «Американский язык». Задача поэтов, по Джоласу, – интенсифицировать и расширить эту тенденцию. Данной цели может соответствовать, по его мнению, «атлантический», «тигельный» язык (то есть связанный с «плавильным тиглем» культур и языков), созданный в условиях межрасового синтеза, имеющего место с Соединенных Штатах в 1930-е. На таком многоязычии написана и часть его собственных экспериментальных стихотворений. Причем «атлантический» язык мог выражаться и в соприсутствии нескольких языков в одном тексте (чередование строк на разных языках), в звуковом синтезе множества языков, тяготея к зауми, и в мультилингвальной гибридизации, как в этом примере:

Mots-Frontiere: Polyvocables

malade de peacock-feathers
le sein blue des montagnes and the house strangled by rooks the
tender entêtement des trees

the clouds sybilfly and the neumond brûleglisters ein wunder stuerzt
 ins tal with
 eruptions of the abendfoehren et le torrentbruit qui charrie les
 gestes des enfants.

<...> (цит. по: [25]; подробнее о мультилингвизме Джоласа см.: [8; 9]).

В числе других европейских поэтов-модернистов, писавших на двух и более языках, можно назвать Р.М. Рильке (немецкий, французский, русский), Ф. Пессоа (португальский, английский), Дж. Унгаретти (итальянский, французский), Ю. Балтрушайтиса (литовский, русский), С. Беккета (французский, английский), Т. Тцара (румынский, немецкий), Т.С. Элиота (английский, французский), Э. Паунда (английский, латынь, греческий, французский, немецкий, итальянский, китайский, провансальский). Во второй половине XX в. поэтический билингвизм был представлен такими фигурами, как И. Бродский (русский, английский), Ч. Милош (польский, английский), А. Росселли (итальянский, английский, французский), Л. Новы (немецкий, словенский), П. де Врее (голландский, английский, итальянский, французский), Г. Айги (чувашский, русский).

В заключение, говоря о поэзии нашего времени, можно выделить следующих европейских поэтов-мультилингвов, распределенных по странам преимущества проживания:

- **Испания:** П. Гимферер (каталанский, испанский, см. [4]), Ю. Завадский и А. Антоновский (украинский, каталанский);
- **Франция:** Ф. Форт (французский, английский), Ж.-Ж. Гульельми (итальянский, французский, английский);
- **Италия:** Г. Монте (итальянский, санскрит и другие восточные языки), С. Палетти (итальянский, словенский, резьянский);
- **Швейцария:** О. Гомрингер (немецкий, испанский, английский), Х. Фидлер (множество языков), Л. Самадени (немецкий, ретороманский);
- **Австрия:** Л. Хартингер (немецкий, словенский), Е. Мнацаканова (русский, немецкий, латынь);
- **Люксембург:** П. Жорис (люксембургский, голландский, немецкий, французский, английский);
- **Великобритания:** Х. МакДиармид, М. МакИнтайр, М. Бейтман, А. МакНикайл (все – английский и гэльский), К. Бергфалль (множество языков);
- **Ирландия:** Л. де Паор (английский, ирландский);
- **Германия:** Й. Тавада (японский, немецкий);
- **Босния:** Й. Ости (боснийский, словенский);
- **Греция:** Д. Цалумас (греческий, английский);
- **Мальта:** А. Кассар (множество языков);
- **Беларусь:** Д. Строцев, Н. Шклярова, М. Башлаков, М. Шабович, М. Малиновская, М. Поздняков, Т. Скарынкина (все – русский, белорусский);
- **Украина:** Г. Бабак (русский, украинский);
- **Литва:** Й. Жданис (литовский, английский);
- **Эстония:** Я. Каплинский (эстонский, русский);
- **Россия:** Н. Скандиака (русский, английский, см.: [10]), Е. Зейферт (русский, немецкий), А. Бронников (русский, английский).

Список литературы

1. Азарова Н.М. Поэтический билингвизм как средство межкультурного трансфера // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии : коллективная монография. М., 2016. С. 255–307.
2. Многоязычие и литературное творчество / ред. М.П. Алексеев. Л., 1981.
3. Беньямин В. Задача переводчика // Деррида Ж. Вокруг вавилонских башен. СПб., 2002. С. 85–111.
4. Бочавер С.Ю. Билингвизм и межъязыковое взаимодействие в поэзии П. Джимферрера // Критика и семиотика. 2015. Вып. 1. С. 316–327.
5. Вдовиченко А.В. Казус «языка» Септуагинты и Нового Завета: Лингвистический метод «за» и «против» авторов. М., 2016.
6. Куделин А.Б. Андалусская строфическая поэзия: особый случай межъязыкового взаимодействия в средневековой Европе? // Критика и семиотика. 2015. Вып. 1. С. 171–181.
7. Парижский С.Г. Трехъязычное стихотворение Йехуды ал-Харизи (XIII в.) // Критика и семиотика. 2015. Вып. 1. С. 219–235.
8. Рэмбаут де Вакейрас. Тексты // Русская планета. Проект "Филолог". URL: <http://www.russianplanet.ru/filolog/babylon/trubadur/vaqueiras/01.htm#eras> (дата обращения: 28.08.2017).
9. Соколова О.В. Концепции «вселенского» и «универсального» языка в русском и американском авангарде // Критика и семиотика. 2015. №1. С. 268–283.
10. Соколова О.В., Фещенко В.В. «Революция языка» Юджина Джоласа: от «вертикальной» поэзии к «вертигральной» коммуникации // Сибирский филологический журнал. 2017. Вып. 3. (В печати)
11. Тарасова М.А. Билингвизм в оригинальной и переводной поэзии Н. Скандиаки // Критика и семиотика. 2015. Вып. 1. С. 340–349.
12. Фещенко В.В. Автоперевод поэтического текста как разновидность автокоммуникации // Критика и семиотика. 2015. Вып. 1. С. 199–218.
13. Фещенко В.В., Бочавер С.Ю. Теория культурных трансферов: от переводоведения – через cultural studies – к теоретической лингвистике // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии : коллективная монография. М., 2016. С. 5–35.
14. Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии : коллективная монография / ред. В.В. Фещенко и др. М., 2016.
15. Чельшева И.И. О некоторых аспектах многоязычия в романской средневековой поэзии // Критика и семиотика. 2015. Вып. 1. С. 182–190.
16. Щерба Л.В. К вопросу о двуязычии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 313–318.
17. Anokhina O., Rastier F. (éds.). Ecrire en langues. Littératures et plurilinguisme. Paris, 2015.
18. Denat C., Woling P. (éds.). Transferts linguistiques, hybridations culturelles. Reims, 2015.
19. Espagne M. L'histoire de l'art comme transfert culturel: L'itineraire d'Anton Springer. P., 2009.
20. Espagne M. L'ambre et le fossil. Transferts germano-russes dans les sciences humaines. XIXe – XXe siècle. P., 2014.

21. Forster L. *The Poet's Tongues. Multilingualism in Literature.* Cambridge ; Otago, 1970.
22. Gin P. et al. (eds.) *Transfert. Exploration d'un champ conceptuel.* Ottawa, 2014.
23. Jolas E. *The Language of Night // Critical Writings, 1924–1951.* Evanston, Illinois, 2009. P. 140–161.
24. Lilti A.-M. *Ecriture poétique, langue maternelle et langue étrangère. Contribution à une histoire polyglossique de la poésie française.* Paris, 2005.
25. Novak B. *Dvojezičnost – ponotranjeno prevajanje, kontrolirana shizofrenija, kulturno bogastvo // Salto immortale. Studie o prevajanju poezije. Druga knjiga.* Ljubljana, 2011. S. 239–246.
26. Perloff M. «Logocinéma of the Frontiersman»: Eugene Jolas's Multilingual Poetics and Its Legacies // *Kunapipi.* 1999. № 3 (20). P. 145–163.
27. Tateoka K. et al. (eds.) *Found in Translation: Transformation, Adaptation and Cross-Cultural Transfer.* Belgrade, 2016.
28. Zumthor P. *Un problème d'esthétique médiévale: l'utilisation poétique du bilinguisme // Le Moyen Age.* 1960. № 15–16. P. 301–336.

Об авторе

Фещенко Владимир Валентинович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН, Россия.

E-mail: takovich2@gmail.com

Для цитирования:

Фещенко В.В. Поэтический билингвизм на карте Европы: языковые контакты и культурные трансферы // *Слово.ру: балтийский акцент.* 2017. Т. 8, № 4. С. 16–30. doi: 10.5922/2225-5346-2017-4-2.

MAPPING POETIC BILINGUALISM IN EUROPE: LANGUAGE CONTACTS AND CULTURAL TRANSFERS

V. V. Feshchenko¹

¹*Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1/1 Bolshoy Kislovsky Ln, Moscow, 125009, Russia*

Submitted on September 18, 2017

This article presents preliminary results of a project studying multilingualism in world poetry. Multilingual interactions are particularly persistent in the contexts where either writers (poets) exist in multilingual sociocultural environments or they are moving from one country to another throughout their literary career. Existing in two or more cultural and/or linguistic spaces at the same time and thus making transfers across the boundaries of different languages easier, more efficient, and more conscious, multilingual poets serve as exemplary agents of cultural transfer. This study analyses different cases of poetic multilingualism where poets who can speak and write freely in two or more languages and intentionally create either variants of the same text in two languages or different poems in two separate languages. The author outlines a geographical map, locating areas where mul-

tilingual poetic production is or was most active. The scope of the mapping is limited to European countries and areas with bilingual or multilingual population. The article also discusses theoretical and practical challenges in mapping poetic multilingualism in Europe.

Key words: multilingualism, bilingualism, poetry, Europe, cultural transfer, language contacts

References

1. Azarova, N.M., 2016. Poetic bilingualism as a means of intercultural transfer. In: V.V. Feshchenko et al., eds. *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii* [Linguistics and semiotics of cultural transfers: methods, principles, technologies]. Moscow, p. 255–307.
2. Alekseev, M.P., ed., 1981. *Mnogoyazychie i literaturnoe tvorchestvo* [Multilingualism and literary creation]. Leningrad.
3. Ben'yamin, V., 2002. The task of translator. In: Derrida, Zh. *Vokrug vavilonskikh bashen* [Around the Babylonian Towers]. St. Petersburg, p. 85–111.
4. Bochaver, S. Yu., 2015. Bilingualism and interlingual interaction in the poetry of P. Jimferrer. *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], 1, p. 316–327.
5. Vdovichenko, A.V., 2016. *Kazus «yazyka» Septuaginty i Novogo Zaveta: Lingvisticheskiy metod «za» i «protiv» avtorov* [Casus of the "language" of Septuagint and New Testament: The linguistic method "for" and "against" authors]. Moscow.
6. Kudelin, A.B., 2015. Andalusian stanza poetry: a special case of interlingual interaction in medieval Europe? *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], 1, p. 171–181.
7. Parizhskii, S.G., 2015. Trilingual poem of Yehuda al-Harizi (XIII c.). *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], 1, p. 219–235.
8. Sokolova, O.V., 2015. Concepts of "ecumenical" and "universal" language in the Russian and American avant-garde. *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], 1, p. 268–283.
9. Sokolova, O.V., Feshchenko, V.V., 2017. "The revolution of language" by Eugene Jolas: from "vertical" poetry to "vertigral" communication. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian philological journal], 3, 2017. In press.
10. Tarasova, M.A., 2015. Bilingualism in the original and translated poetry of N. Scandiaci. *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], 1, p. 340–349.
11. Feshchenko, V.V., 2015. Autotranslation of the poetic text as a kind of autocommunication. *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], 1, p. 199–218.
12. Feshchenko, V.V., Bochaver, S. Yu., 2016. The theory of cultural transfers: from translation studies – through culture studies – to theoretical linguistics. In: V.V. Feshchenko et al., eds. *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii* [Linguistics and semiotics of cultural transfers: methods, principles, technologies]. Moscow, p. 5–35.
13. Feshchenko, V.V. et al., ed., 2016. *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii* [Linguistics and semiotics of cultural transfers: methods, principles, technologies]. Moscow.
14. Chelysheva, I.I., 2015. On some aspects of multilingualism in Romanesque medieval poetry. *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], 1, p. 182–190.
15. Shcherba, L.V., 1974. On the issue of bilingualism. In: Shcherba, L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad, p. 313–318.
16. Anokhina, O., Rastier, F., éd., 2015. *Ecrire en langues. Littératures et plurilinguisme*. Paris.
17. Denat, C., Woling, P., éd., 2015. *Transferts linguistiques, hybridations culturelles*. Reims.
18. Espagne, M., 2009. *L'histoire de l'art comme transfert culturel. L'itinéraire d'Anton Springer*. Paris.
19. Espagne, M., 2014. *L'ambre et le fossil. Transferts germano-russes dans les sciences humaines. XIXe – XXe siècle*. Paris.

20. Forster, L., 1970. *The Poet's Tongues. Multilingualism in Literature*. Cambridge; Otago.
21. Gin, P. et al., eds., 2014. *Transfert. Exploration d'un champ conceptuel*. Ottawa.
22. Jolas, E., 2009. The Language of Night. In: K.H. Kiefer, R. Rumold, eds. *Critical Writings, 1924 – 1951*. Evanston, Illinois, p. 140 – 161.
23. Lilti, A.-M., 2005. *Ecriture poétique, langue maternelle et langue étrangère. Contribution à une histoire polyglossique de la poésie française*. Paris.
24. Novak, B., 2011. Dvojezičnost – ponotranjeno prevajanje, kontrolirana shizofrenija, kulturno bogastvo. In: Novak, B. *Salto immortale. Studije o prevajanju poezije. Druga knjiga*. Ljubljana, p. 239 – 246.
25. Perloff, M., 1999. «Logocinéma of the Frontiersman»: Eugene Jolas's Multilingual Poetics and Its Legacies. *Kunapipi*, 20(3), p. 145 – 163.
26. Tateoka, K. et al., eds., 2016. *Found in Translation: Transformation, Adaptation and Cross-Cultural Transfer*. Belgrade.
27. Zumthor, P., 1960. Un problème d'esthétique médiévale: l'utilisation poétique du bilinguisme. *Le Moyen Age*, 15 – 16, p. 301 – 336.

The author

Dr Vladimir V. Feshchenko, Senior Research Fellow, the Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: takovich2@gmail.com

To cite this article:

Feshchenko V. 2017, Mapping Poetic Bilingualism in Europe: Language Contacts and Cultural Transfers, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 8, no. 4, p. 16 – 30. doi: 10.5922/2225-5346-2017-4-2.